

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

По бескрайним просторам полей, через буераки, реки дул холодный, пронизывающий ветер. Но снега нет и не предвидится, земля не промерзает, хотя на дворе почти зима, конец ноября. Работа кипит, закатывается бетоном земля, строятся причалы. Трех домов для рабочих уже не хватает, поставили модульный бытовой городок, отопление пока электрическое, но котельная уже строится.

И складское помещение стоит, тоже быстровозводимой конструкции, но, видимо, под крышу помещался только ценный инвентарь и материалы, а вот доски оставили во дворе. Забор вокруг стройки металлический, листы подогнаны плотно, так просто их не отогнешь, пролом не устроишь. Но кто-то постарался, и доски утащили.

— Доска хорошая, строганая, пятерка, лиственница, — вздыхая, сказал прораб.

— Хорошая, — кивнул майор Фомин.

В стройматериалах он разобрался не очень, но строганую доску от грубой обрезной отличить мог и сосну

от лиственницы тоже. И пять сантиметров — солидная толщина.

— Основание для пола собирались класть, завезли доски, разгрузили. Сегодня прихожу... В заборе дыра, досок нет. Целый штабель вывезли, четыре куба. На сто тысяч, считай. Это по нашей цене, а на рынке за двадцать пять штук сейчас не подходит.

— Все равно будем считать по двадцать пять. — Фомин посмотрел на прораба внимательно и с плохо скрытой насмешкой.

Лес рубят — щепки летят, пилят — опилки, и то к рукам прилипает и другое, одним по-крупному, другим по мелочи. Проектная стоимость терминала два, если не три миллиарда рублей, деньги бешеные, закупки фантастические, четыре куба досок — песчинка в кузове самосвала. Начальника строительства эта пропажа не тронула, и Павлик не побеспокоился. Участкового вызвал прораб, ответственный за доски.

Павлик, Павел Германович, — ответственный и за терминал, и за весь район, в котором он строился. А Смальцев Евгений Петрович — генеральный владелец агрохолдинга «Быстрый Дон». Ему о пропаже четырех кубов древесины даже не скажут, а ведь он мог принять меры. И Смальцев мог, и Павлик, люди они серьезные, даже очень, если смогли протолкнуть на должность участкового своего человека. Фомин возглавлял участковый опорный пункт, а лейтенанта Скорокову прислал ему в помощь. Павлик мог не просто позвонить ей, а поставить задачу...

— Да как ни считай, а искать нужно, — сказал прораб, глянув на Фомина и с надеждой, и с подозрением одновременно.

Местный участковый мог забить на поиски досок, а если вдруг возьмется за дело, не факт, что найдет их. Но вдруг все-таки начнет искать и найдет?

— Найдем, — кивнул Фомин.

Честно говоря, не хотелось ему заниматься этой мелочовкой. Еще в прошлом году он руководил целым отделом в одном из московских оперативно-разыскных бюро, работал по-крупному — и вдруг стал участковым в какой-то степной глуши. Правда, на новом месте тоже скучать не приходилось, и здесь, как оказалось, тоже имел место преступный беспредел. Фомин ввязался в борьбу с ним, и ему пришлось в таких передрыгах побывать, что мама не горюй. Однако он с честью преодолел все трудности, выдержал все испытания, и московское начальство пообещало забрать обратно в столицу, а местное предложило возглавить районный уголовный розыск. Лето, осень, зима, а он все еще здесь. Ощущение такое, как будто жизнь остановилась.

— А то ведь мне голову снимут, — пробормотал мужчина.

Родион спрятал улыбку. Доски могли оказаться теми самыми опилками, которые прилипли к рукам прораба. Украл, продал, но начальство заметило, спросило — пришлось обращаться в полицию. Но пропажу в любом случае нужно искать, Родиону все равно, кого выводить на чистую воду, прораба или еще кого-то.

— Пока что у вас тут гаечки сняли... — осматривая пролом в заборе, сказал Фомин.

Забор серьезный, опорные трубы вмурованы в землю, железные поперечные приварены, к ним прикручены листы. Открутить гайку с болта можно было только изнутри.

— Кто-то из своих постарался, — предположил Родион.

Гайки могли открутить в рабочее время, а в ночное извне отжать листы и вынести доски. Строительный склад на отшибе терминала, но у самой реки. Берег уже отбит, подготовлен к бетонированию, опалубка там прочная, ходить по ней можно, как по тротуару. И работы по углублению дна в прибрежной зоне уже проведены, тут не то что лодку, сухогруз уже можно пришвартовать, хотя для этого существовали пристани — пока еще только на начальной стадии строительства.

— Да нет, у нас с этим строго, — мотнул головой прораб.

— Ну да, — не без насмешки глянул на него Фомин.

Очень удобно свалить все на местных, только вот в полиции не дураки работают.

Доски хранились у самого забора, на земле остались только бруски. Судя по расстоянию между крайними подкладками, длина доски составляла три-четыре метра. Длина обычной лодки — четыре метра плюс-минус малость. Непросто на таком суденышке вывезти доску, но возможно в несколько заходов, если лодка обычная с навесным мотором. На веслах доску точно не вывезти. Солидных размеров катер мог забрать все доски сразу.

Но опять же, мотор, даже самый тихий, все равно можно услышать. А стройка охранялась. Скорее всего, без своих кража не обошлась.

— Кто имел доступ на складской двор? — спросил Фомин.

Он собирался получить список допущенных к складу лиц, а затем уже осмотреть место, где доски могли грузиться на лодку. Или тропку осмотреть, по которой краденое могли вынести к машине. Но прораб еще только думал, кого назвать из затребованного списка, а Родион уже заметил знакомое лицо. Во двор медленно задним ходом въезжал грузовик с арматурой; машину сопровождали грузчики, а среди них — Слава Стенькин.

Фомин не стал ничего говорить, он всего лишь кашлянул в кулак. В станице Пшеничной Слава Стенькин если не легенда, то как минимум притча во языцех. Если где-то что-то стряслось, иди к Стенькину, он в лучшем случае в курсе, а в худшем соучастник. Чэпэшник, одним словом. И еще Родион вычислил закономерность: если Слава отметился где-то по мелочи, жди беды по крупному.

В свое время Слава всего лишь наорал на собаку, напугав ее и заставив убежать, а закончилось это тем, что в Пшеничную нагрянули киллеры, чтобы застрелить Майю — первую красавицу района — на ее свадьбе. Фомин мог погибнуть в противостоянии с преступниками. Чуть погодя Стенькина заподозрили в нападении на мужа Майи, а закончилось все тем, что сам Фомин едва не погиб от рук наемников. В самом конце лета Стенькин украл полковничью форму, за это получил по голо-

ве дубинкой, отчего потерял память. А дальше последовала целая череда кровавых событий. Майю похитили, Родион рисковал жизнью, освобождая ее. Не прошло и месяца, снова ЧП — Славу избили на стройке, где он сейчас работал. Всего лишь избили, но Фомин понял, что впереди его ждет новый всплеск насилия. И точно, отморозки, избившие Славу, ограбили отца Майи, ударив его ножом. Ребята эти работали на Павлика, лейтенант Скорокова помогала им уйти от ответственности. Фактически она предала Родиона, но до сих пор они служат вместе, потому как их не могут развести. Его не переводят к новому месту службы, а она не хочет никуда уходить. Не для того ее ставили на Пшеничное, чтобы служить абы где.

— Давайте список, Олег Михайлович, а я скоро.

Фомин попрощался с прорабом, незаметно для Стенькина покинул складской двор, вышел к своей машине и отправился в Пшеничное.

Возможно, Стенькин и не причастен к краже досок, тем не менее Фомин подъехал к дому, где жил со своей сестрой Слава, подошел к воротам.

Забор низкий, штакетный, ржавая немецкая каска на деревянный опорный столб надета, гвоздем намертво прибита — ни снять, ни оторвать. Будка есть, а собаки не видно, не слышно — можно даже во двор зайти. Но только осторожно, чтобы Зина, сестра Славы Стенькина, не облаяла. А она может. Облает, как собака, и тут же приласкается, как кошка, это у нее в порядке вещей.

Но Фомина интересовала сейчас не Зина, он осматривал двор через забор, не видно ли где досок в шта-

беле. А ведь лежит что-то за домом, концы, покрытые рубероидом, виднеются, на доски похоже.

Дверь не открывалась, занавески в окнах не шевелились, никто не реагировал на появление Фомина. Он уже собрался открыть калитку, когда заметил Зину. Она шла по улице, возвращаясь откуда-то, в каждой руке несла по сумке. Круглолицая, полнощекая, грудь пышная, полновесная. Летом душа нараспашку, а сейчас под пальто, застегнутом на все пуговицы, грудь скрыта.

— Товарищ майор! — и заигрывающе, и с тревогой улыбнулась Зина.

Одно время она все порывалась накормить Родиона борщом, охладить его окрошкой и согреть горячим дыханием своей знойной груди. Но Родион и тогда любил свою Леру, и сейчас жил с нею, не изменяя...

— А вы из магазина, Зинаида Павловна? — Фомин смотрел на сумки в руках женщины.

Одна холщовая сумка, другая из кожзама и с длинными ручками. Это в городе возвращаются с полиэтиленовыми пакетами из магазина, а здесь больше хозяйственные сумки в ходу. Тем более что Зина работала в магазине, сама продавщица, так что есть что с работы таскать.

— Да нет, мясца вот прихватила, — кивнув на холщовую сумку, сказала женщина.

— Из магазина?

— Да нет, Петр Сергеевич кабанчика забил.

— Петр Сергеевич, — сдержав улыбку, кивнул Родион.

Ходили слухи, что Зина сошлась с пожилым вдовцом, вроде как живет с ним. А сам Слава Стенькин, говорили, ухлестывал за Майей. Как у них там складывалось, Родион не знал, не интересовался...

Нехорошо у Фомина с Майей вышло. Она бегала за ним, он — от нее. Она развелась с мужем, Варшавин сделал ей предложение, она отказалась от заманчивой перспективы стать женой наследника миллиардного состояния. Зато Лера не устояла. Два года противилась Варшавину, но все же не устояла от искушения и переметнулась к нему. Родион потянулся к бутылке, Майя пришла на помощь, привела его в чувство, еще бы чуть-чуть, и они прошли бы точку невозврата в своих отношениях, но в самый последний момент появилась Лера. И Родион не смог ее прогнать. А Майя ушла. Ничего не сказала, просто ушла. И до сих пор молчит. Да и он не ищет с ней встречи. А она, возможно, ждет. Он чувствует, что ждет.

— А что? Мужчина положительный, хозяйственный, — зажеманилась Зина.

— А ночевали вы где?

— А вот это не ваше!.. — Зина слегка присела, разом поставив на землю обе сумки, набрала в легкие воздух, чтобы шумно возмутиться. Но, вспомнив о репутации своего брата, сдулась. — А что случилось?

— Да вот доски на терминале украли.

— Доски?.. Кто? — едва слышно, осипшим вдруг голосом спросила Зина.

— А где ваш брат работает?

— На терминале... На складе...

- Со склада доски и пропали.
- Да не мог Слава...
- А что у вас там за домом? На доски похоже.
- Ну, доски... Старые доски, сто лет в обед.
- А глянуть можно?

Доски действительно оказались старыми, потемневшими от времени. Восемь шестиметровых досок толщиной семь-восемь сантиметров. Пользуясь случаем, Родион заглянул в летнюю кухню, там сразу возле двери висела рабочая одежда: летний комбинезон, телогрейка, такая же стеганая безрукавка, грязные джинсы.

К телогрейке даже прикасаться не пришлось, свежая древесная пыль бросалась в глаза. Пыль, опилки — все, что на досках бывает. На руках пыль, на кармане, на животе. Длина пропавших досок не превышала четырех метров, их можно было переносить и в одиночку, прижимая к себе для удобства. Вот Слава и прижимал.

- А я могу взять телогрейку? — спросил Фомин.
- Фуфайку, что ли? Ну, берите... А зачем?
- Да, может, и не пригодится.

Ватник он бросил в багажник, сел в машину, отряхнул руки. Стенькин ему ни сват, ни брат, но крутит с Майей и вроде как соперником приходится, так что над Родионом будут зло смеяться, если Слава сядет за кражу. Одним словом, замять дело нужно, это не так уж и сложно. Стенькин возвращает похищенное, его увольняют, на этом дело и заканчивается.

Фомин отправился обратно к терминалу. Проезжая мимо участка, увидел черный, сверкающий лаком «Ге-

лендваген». Павлик пожаловал — красавицу свою навес-
стить.

Еще вчера Скорокова даже на холодный ветер не жаловалась, а сегодня заболела ангиной. Горло изнутри разнесло, голос охрип, поднялась температура. Родион отправил ее в больницу, а на терминал по вызову отправился сам. Но, видимо, Скорокова к врачам решила на обращаться. Возможно, позвонила Павлику, он привез лекарства, заодно и навесит больную. Это их личное дело. Жаль, что грязно смешанное со службой.

Скорокова каялась, говорила, что не могла отказать Павлику в его просьбе. К тому же она помогла Фомину задержать преступников, которых сама же и покрывала. Да и девчонка она по своей сути далеко не гнилая. Тем более что она, в общем-то, и не предавала, а всего лишь следовала согласно изначально поставленной ей задаче. Родион ее даже простил. Только вот забыть не мог. Потому не особо переживал. Ну, ангина, и что? Сама заболела, сама и вылечится.

И Павлика видеть он не хотел. Не нравился ему этот тип. В ограблении Туманова он не участвовал, но преступников покрывал. Значит, с самого начала знал о похищенных деньгах. На допросах Кальмар уверял, что действовали они по своему усмотрению, Павлик не руководил, не направлял, но все равно подозрительно. Тем более что Кальмар со своими отморозками помогал Павлику, запугивая местных фермеров, скупать у них землю. И Туманова он шантажировал, угрожая вынуть все скелеты из его шкафа. Жесткий он, хитрый, скользкий. Не хотелось с ним видеться.

Но и мимо Родион проехать не смог. Павлик вышел со двора, за ним шла Скорокова, они оба увидели его машину.

Здание опорного пункта делилось на две части: на рабочую и жилую. Родион и сам когда-то жил в комнате отдыха, сейчас там обитала Скорокова. Могла жить с Павликом, но предпочитала ночевать в участке. Хотя и у него частенько гостила, не без того. А сейчас, возможно, он забирал ее к себе. Хорошо, если насовсем.

Родион остановил машину, вышел, кивнул Павлику. Рослый мужчина спортивного телосложения, движения и походка сильного человека. Темные волосы, короткая стрижка, широкое лицо, крупный, отнюдь не уродливый нос, желваки на скулах выделяются. Взгляд спокойный, но пронзительный. Черный кожаный плащ сидел на нем как влитой.

— Забираешь больную? — спросил Родион.

— Да, пусть побудет, я дом новый снял, тепло в нем, — одними глазами улыбнулся Павлик.

Родион помнил старый дом — реально из дерьма и палок. Опорная конструкция из веток, заполненная глиной и навозом. Летом в таких мазанках не жарко, а вот зимой холодно. И как только Павлика угораздило снять такую хибару — с его-то возможностями?

— А вы на терминал, товарищ майор? — охрипшим голосом с чувством вины спросила Скорокова.

Красивая она девушка, лицо светлое, взгляд ясный, улыбалась редко, а зря, зубы у нее ровные, белые. Стройная, но не хрупкая, руки цепкие, ноги сильные, и бежала она, как спринтер, и боевым самбо владела на при-

личном уровне. Но Родион расстанется с ней без всякого сожаления, даже рад будет расставанию. А в Москву его могут вызвать в любое время... А могут и не вызвать.

— Да вот, есть одна зацепка.

Павлик посмотрел на Скорокову с насмешкой, перевел взгляд на Родиона.

— Это вы про доски?

— Это мы про кражу.

Раньше хутор у железнодорожного моста не входил в зону ответственности майора Фомина. Но штат участка расширили, добавили сотрудника, а вместе с тем повесили на него и терминал. На них с лейтенантом Скороковой. Не зря же Павлик и стоящий за ним Смальцев пробивали на должность своего человека.

— Погорячился Малыгин, не будет заявления. Сами разберемся.

— Этого я и боюсь, — усмехнулся Фомин.

— А не надо бояться, мы люди мирные... И землю по нормальной цене выкупаем, — немного подумав, добавил Павлик.

— Да, но не все соглашаются ее продать, — сказал Родион, вспомнив Гуляева.

Павлик, может, и не грабил Туманова, но моментом воспользовался. Семена Гуляева арестовали, и Павлик тут же отправился к его отцу с кабальным предложением. Одно из двух: или земля, или сын. И остался бы Гуляев без своего хозяйства, если бы не Варшавин...

— Так мы не всем и предлагаем... Ладно, поедем мы.

Фомин кивнул в знак прощания и, не подав Павлику руки, повернулся к своей машине. Ему тоже нужно ехать.

...Стенькин разгружал фургон, таскал рулоны с утеплителем. Настроение бодрое, боевое, в глазах усталость, но ни тоски в них, ни печали. Не переживал Слава, не боялся разоблачения: или ни в чем не виноват, или просто непробиваемый.

Фомин не стал ждать, когда грузчики закончат работу, выдернул парня на разговор.

— Где доски? — Он смотрел Стенькину прямо в глаза.

— Какие доски? — удивился тот.

— А ты не знаешь, какие доски у вас тут пропали?

— Я-то здесь при чем?.. — возмущенно вскинулся Слава. — Чуть что, сразу Стенькин?

— Я у тебя дома был, ватник твой рабочий осмотрел, опилки на нем с досок.

— Какие еще опилки?

— Свежие. С лиственной доски. Экспертиза это подтвердит. А суд тебя арестует. Тебе грозит до пяти лет лишения свободы.

— Да не брал я ничего! — Стенькин хлопал глазами, потрясенно глядя на Родиона.

— Ну что, тогда я в отдел, куртку твою на экспертизу сдавать.

— Какую куртку?

— Ватник, телогрейка, черная такая, на кухне висела.

- Без рукавов?
- С рукавами.
- Не было с рукавами, с рукавами пропала.
- Когда?
- Позавчера в огород хотел, не докопал немного.

Смотрю, а ватника нет... Сами знаете, память у меня не совсем. — Слава и хотел было улыбнуться, постучав себя по голове, но не смог. Страшно парню, паника на душе, настроения нет. А ведь не грустил, не печалился, разгружая фуру.

А с памятью у него действительно беда, вроде бы все вспомнил, но белые пятна оставались.

— Если память, значит, не помнишь, как ватник на место вернулся. В машине он у меня. Твой ватник, опилки на нем с досок...

- Так вы же говорите, что вчера ночью украли.
- Вчера ночью.
- А я вчера ночью у Майи был.

Фомин хотел спросить, всю ночь он с Майей провел или только часть, но понял, что голос выдаст волнение. А ведь ему на самом деле стало не по себе, ощущение навалилось, как будто кто-то мягким, но тяжелым мешком ударил под коленки. Это раньше он ничуть не ревновал Майю, но все изменилось после того, как Лера предала его. Он остался с женой, но Майя ему теперь не чужая, чтобы он там себе ни внушал.

— Ну, не всю ночь... — немного подумав, признался Слава и тут же поспешил заверить: — Но я сразу домой пошел!

- Пошел?

— Ну, так машины у меня нет. И доски вывозить не на чем.

— На лодке... Доски на лодке могли вывезти.

— И лодки у меня нет.

— У Леньки, дружка твоего, есть.

Пшеничная — станица небольшая, Родион знал всех жителей наперечет. У кого казачьи шашки водятся, знал, кто коней держит, кто на лодках рыбачит. И кто с кем дружит, имел представление. А уж Славкиного-то дружка знал как облупленного.

— Так это, у отца его лодка.

— А Ленька взять ее не мог?

— Так Ленька... — замылся Слава. — Ленька не мог.

— А если мог?.. Значит, так, сейчас едем к Леньке.

— Ну, поехали, — пожал плечами Стенькин.

— Начальник твой все поймет, товарищи твои поймут, что ты под подозрением. Дело придется возбуждать. А так бы вернул доски, и никаких проблем...

— Да я б вернул! Если б знал, где они!.. — Славка с вызывающим видом скрестил на груди руки.

— Ну, смотри, я предупредил.

— Но я на самом деле ничего не брал! Да и как бы я смог, тут охрана везде!

Слава повертел головой, обвел рукой вокруг себя, но, к своему разочарованию, не обнаружил ни одной камеры, в обзор которой попадали бы доски, вернее, место, где они хранились. И охранников Родион не увидел. Двор закрывался на ночь, охранники присматривали за воротами, а внутрь не заходили. Возможно, и воспользовался этим обстоятельством Стенькин и украл доски.

Глава 2

«Мерседес» не новый, но в хорошем состоянии, красивый, бордовый. Такой вот прощальный привет оставил своей дочери Туманов. Он уже в Крыму, жена с ним, два сына, а Майя осталась в Пшеничном. Огромный дом на ней, мужа нет, зато любовник появился. Глядя на «Мерседес», Родион постарался настроиться на рабочий лад. Он здесь исключительно по заявлению о краже. Только она должна интересоваться его, и ничто другое.

Но Майя такая красивая, эти волосы, эти глаза, эти губы. Все дышит свежестью и нежностью, женское обаяние просто зашкаливает.

Майя могла бы заехать в ворота своего дома, не выходя из машины, но все же решила остановиться. В колледже она училась, только что вернулась с занятий. В машине никого, и в доме пусто. Ей, должно быть, одиноко. Но Родиона это не должно касаться.

— Случилось что-то? — спросила Майя, глядя на Фомина с иронией обиженной девушки.

— А должно было что-то случиться?

— Ну, ты же здесь не из любви... к искусству.

— Стенькин в краже подозревается.

— Неужели на этот раз генеральскую форму украл? — усмехнулась Майя.

Ветер немного стих, но все же он дул ей в спину. И она не могла этого не чувствовать. Возможно, потому ее и клонило к Родиону. А может, ее к нему притягивало что-то другое.

— Доски. Со стройки. — Фомин кивком указал в сторону терминала. — Четыре кубометра.

— Много.

— За час-два не управиться. И в одиночку тоже.

— И кто сообщник? — правильно поняла Майя.

— Кто сообщник...

Напрасно Родион ездил к Ленке, и двор осмотрел, и лодку, ни досок не нашел, ни следов транспортировки.

— Стенькин сказал, что у тебя до двух часов был.

— А почему на «ты»? — с насмешливым возмущением спросила Майя.

Родион промолчал, но удивление выразил — движением бровей.

— Если я сообщник, значит, на «вы». Гражданин начальник!

Голос у Майи нежный, звонкий, слушать ее, как из ручья ключевую воду пить. Но иногда этот ручей становился шумной полноводной рекой.

— Это правда?

— Что я сообщник?

— Что Стенькин у тебя был?

— Если на «ты», значит, все-таки не сообщник.

Майя подалась к Родиону, как будто собиралась прильнуть к нему, и руку подняла, как будто хотела коснуться его носа.

— Был Стенькин?

— А если был?.. Я девушка одинокая, а вокруг волки. — Майя обвела рукой вокруг себя.

Действительно, дом ее стоял в открытой степи, до станицы два-три километра, вокруг поля, как засеян-

ные, так и дикие, поросшие кустарником, за которыми не раз прятались самые настоящие злодеи. Она в этом поле одна, и некому ее защитить. Овчарка Беретта подросла, но ей еще далеко до взрослой особи.

— Ну, хорошо, что нашелся мужчина, — выдал из себя Родион.

— Кому хорошо? — с едкой иронией спросила Майя.

— Ну, вообще...

— Думаешь, Славке хорошо? Или мне?.. Думаешь, я падшая женщина?

— Не падшая ты. И не женщина. — Родион чувствовал себя выбитым из колеи.

— Не падшая не женщина?

— Девушка.

— Чья девушка? — Майя смотрела Фомину прямо в глаза.

— Когда Стенькин ушел?

— Куда? Доски воровать?! Так мы вместе!

— Что вместе?

— Воровать!

— Вместе?

— Я предложила, и мы пошли... А как еще привлечь твое внимание? — Майя улыбнулась тепло, но не совсем ласково.

Да, она согласна осчастливить Родиона своей милостью, но только если он этого заслужит.

— А если серьезно?

— Все очень серьезно... Стенькин в половине двенадцатого ушел. И то еле выгнала... Ходил тут. — Майя

повела рукой в сторону реки. И, немного подумав, добавила: — Вместе ходили. Пока тепло было. Ну, не совсем холодно. А ветра задули, погреться попросился. Мне что, чаю жалко?

— Не думаю.

— И сейчас холодно, — намекнула Майя.

А он чувствовал себя перед ней мальчишкой, который мечтал остаться наедине с любимой девочкой, но в то же время до дрожи боялся этого. Но мальчику мешала раскрыться скромность и неопытность, а у Родиона жена. Не мог он изменить Лере... Пожалуй, не мог.

— Стенькин с тобой об этом говорил?

— О чем об этом? — нахмурилась Майя.

— Ну, что холодно на улице, замерз он.

— Я же говорю, чаем его согрела. Только чаем.

— Может, он говорил, что идти куда-то надо, может, ждет его кто-то, несмотря на холод.

— Валька, что ли? — поморщилась Майя.

— Почему Валька?

Стенькин, было время, гулял с Тонькой, а его друг Ленька с Валькой. Не так давно с Валькой сошелся сам Стенькин. То с Тонькой он, то с Валькой, но серьезные чувства у него только к Майе.

— Да мне, в общем-то, все равно кто.

— Может, он про Леньку говорил?.. Может, звонил ему?

— Да нет, не звонил. Сначала чай пил, затем телевизор смотрел... Знаешь, одной скучно, со Славкой совсем тоска... И с Гуляевым так было...

Майя всем видом давала понять, что не скучно ей будет только с Родионом.

— С Гуляевым? — задумался Фомин.

— Не хочу о нем говорить.

— Понятно.

— Не хочу, — повторила Майя. Но сама же с собой и не согласилась. Не выдержала, заговорила: — С рыжей сучкой он жил.

— С Алевтиной?

Алевтину Зозулину крутили на причастность к нападению на Туманова, но прямой ее вины не нашли, дело закрыли, она уже месяц как дома после следственного изолятора. А ведь из-за нее Семен Гуляев попал в историю. Неужели в третий раз на те же грабли наступил?

— Да нет, Катюха там у них есть.

— Катюха, — кивнул Родион. — У них.

Интересно девки у станичных парней пляшут. Валька из Пшеничной то с Ленькой, то со Славкой. Катюха из Верховерской то с Васькой, то с Семеном. Видел Родион эту рыжеволосую красотку с другом Гуляева Васей Митьковым. Из дома ребята выходили, в котором вдвоем провели ночь. Девчонке лет семнадцать-восемнадцать, вряд ли больше. Но так и Майе девятнадцатый год всего.

— Ну, она раньше с Митьковым гуляла...

— Рыжеволосая.

— Рыжих он любит... — язвительно и чуточку с обидой сказала Майя.

— Бывает.

— А ко мне тогда чего лезет? — спросила она тоже с обидой, но с оттенком самодовольства.

— А он лезет?

— Да наехал недавно, чего это Славка вокруг меня вертится? И лыбится так подленько! Как будто я и раньше с ним крутила. И с ним, и со всеми...

— Подленько, — не мог не согласиться Фомин.

— Вчера подъезжал, — пожала плечами Майя.

— А чего так неуверенно?

— Просто подъехал, постоял, а из машины так и не вышел.

— Сюда подъехал?

— Ну да. Вечером. Темнело уже... А может, и не он. Машина вроде его... Он же с Катюхой больше не живет... Не так уж и любит рыжих, как оказалось, — ехидно усмехнулась Майя.

Родион и хотел сказать, что Семен ее любит, но промолчал. Раньше бы сказал, а сейчас в глубине души он думал о Гуляеве как о сопернике.

— Дом строил. К весне, говорил, построю и женюсь на Катюхе.

— Кому говорил?

— Да всем...

— Дом строил, — в раздумье проговорил Родион.

— Для меня строил. Для Катьки строил. Сейчас для кого-то другого строит!.. Если для меня, то пошел он к черту!..

— Значит, что Славка ходит к тебе, Семен в курсе?

— Кто ко мне ходит? Славка?! Ну, ходит, по кругу. Кто ж его в круг-то пустит? — Майя и не скрывала, что последнюю фразу озвучила нарочно для Родиона.

— Но Семен все равно ревнует?

— А это его личные проблемы!..

— А где Семен дом строит?

Родион и не думал, что Семен мог подставить Стенькина. Не настолько он подлый, чтобы расправиться с соперником таким образом. Или просто прикрыться им. Но все же он съездит на стройку. Если Майя согласится проводить его. На чашку чая к ней идти он боялся, а провести время в машине, в пути, почему бы и нет?

— Могу показать, — улыбнулась Майя, давая понять, что поняла Родиона.

Свой «Мерседес» она загнала во двор, с легкостью влюбленной птички впорхнула в машину к Фомину.

Он не торопился, но все равно с Майей время летело быстро. И опомниться не успел, как уже находился на улице, где строился Гуляев.

А ведь он бывал уже на Уречной улице в станице Верховерской, когда брал банду Кальмара. Улица старая, но место отличное, первая линия у воды. Старые дома постепенно сносились, новые строились. А Гуляев ставил дом и вовсе на пустыре в самом конце улицы. И тоже у реки.

— «Паджеро!» — Майя указала на внедорожник, который стоял у ворот недостроенного дома.

Родион кивнул. Он знал, чья это машина, только вот к разговору с Гуляевым готов не был. Вероятность,

что украденные доски у него, близка нулю. Может, мимо проехать, в другой раз заглянуть? Но в то же время забор вокруг дома довольно высокий, это ведь перелезать через него придется. А сейчас ворота открыты. И отговорка для Семена есть. По делу Туманова тридцать первый дом осматривал, обратно ехал, заметил знакомый джип.

Но отговорки не понадобились. Сначала он увидел Гуляева, затем доски, возле которых он стоял. Струганные доски, новенькие, совсем светлые и по длине метра четыре, не больше.

Дом большой, двухэтажный, уже под крышей, оконные рамы стоят. Возможно, и до внутренней отделки уже дошли. А доски хорошие, отличная основа под паркетный пол. Да и под чистовой пол неплохо.

Гуляев стоял с открытым ртом, приложив к затылку ладонь, он не замечал Родиона.

— Лиственница?

Семен дернулся как подстреленный, резко повернулся к участковому. Глаза большие, недоумение в них.

— Вы?

Парень глянул по сторонам, как будто где-то рядом должна была находиться Майя. А ведь правильно все понял, Майя здесь, хотя и в машине. Но надолго ее не хватит, обязательно придет. Тем более что разговор будет долгим.

— Откуда дровишки?

Родион и сам глянул по сторонам. Двор выходил к реке, но не к самой воде, а к дороге, которая тянулась вдоль берега. С трех сторон забор из профлиста,

а с этой — сетка-рабица. И воду видно, и край обрыва за дорогой. И алюминиевую лодку на двухколесной тележке под забором, у самой калитки.

— Сам не понимаю... — пожал плечами Гуляев. — Подъезжаю, смотрю, лежат.

— Может, лодкой занесло?

Родион подошел к лодке, осмотрел. Не новая, пятна от времени на корпусе, шероховатости, краска засохшая. И древесная пыль с досок совсем свежая, опилки, волокна, свежие царапины. Вода ниже ватерлинии уже высохла, но все равно можно понять, что лодку недавно погружали в реку.

— А мотор где?

— Так дома... Ну, у отца... Он себе новую лодку взял, а эту мне отдал.

— И все-таки, где мотор? В доме?

На корме Родион заметил свежие пятна, как будто что-то разлили. Протер пальцем, понюхал, ну, конечно, бензин. Поставили мотор, сняли, куда-то отнесли. Все просто.

— Да нет мотора!

— А ты где ночью был?

— Я где ночью был? — встрепенулся Семен.

— Да, ты. — Родион внимательно смотрел на него.

Гуляев довольно убедительно изображал удивление, но парень он по этой части опытный. Его ведь и в похищении Майи в свое время обвиняли, и в нападении на Туманова, но во всех случаях зря. А вот сейчас Родион ему не верил. Слишком уж убедительные доказательства

его вины имелись. Доски, лодка, и мотор обязательно найдется.

— Вы думаете, что это я? — Семен указал рукой на доски, затем на лодку.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Дома я был.

— У родителей?

— Да нет, на Ростовской.

Родион помнил этот дом, там он и видел Катюху.

— С кем? — спросил он.

И в тот же момент увидел Майю, которая шла к ним от дома, глядя на доски. Родион качнул головой. Под ноги нужно смотреть, как бы на дощечку с гвоздем не наступить.

— С кем ты был на Ростовской? — повторил вопрос Фомин.

Но Семен заворуженно и с подозрением смотрел на свою бывшую жену.

— Майи с тобой не было.

— А с кем она была? — Гуляев резко глянул на Родиона.

Но ответила ему сама Майя.

— Не с тобой, — останавливаясь возле Фомина, сказала она.

— С тобой?

— Не уходи от разговора, Гуляев! — нахмурился Фомин.

— От какого разговора? От этого? — Семен кивком указал на доски. — От досок, которые вы мне тут подбросили?

- И лодку тебе подбросили?
- Да нет, лодка моя... Но так ее любой может взять, собаки нет.
- Собаки нет во дворе у Стенькина.
- При чем здесь Стенькин?
- При том, что ты грузил доски в его ватнике.
- Я?! В его ватнике?!
- В его ватнике. Ты его и подставил... Подло, Гуляев, очень подло.
- Я подставил?! Да меня самого подставили!
- А лодка тяжелая. Килограммов двести, да?
- Сто семьдесят пять.
- Самому не утащить.

Лодку катили на тележке, но одному человеку с нею не справиться, если он не тяжелоатлет. Семену до амбала точно далеко. Да с досками в одиночку не управиться. А с Васей Митьковым можно. Или еще с кем-то.

— Да не брал я доски! — Гуляев стукнул себя в грудь кулаком.

- Подставили? — усмехнулся Родион.
- Может, вы... — Семен осекся и отвел взгляд в сторону. — Я не знаю, кто меня подставил.
- Зачем?
- Я не знаю!.. — Семен угрюмо скользнул взглядом по Майе.

— Неужели я похож на идиота?.. — насмешливо спросил Родион. — Если бы я хотел тебя подставить, я выбрал бы какой-нибудь другой способ. Кошелек с деньгами. Кошелек легкий, с места на место перебросить раз, и все. А доски... Сломать забор, подогнать лод-

ку, загрузить. А река сейчас не совсем спокойная, волнение на воде. И всю ночь туда-сюда. Сколько рейсов сделали? Ведь километров пятнадцать пути до терминала...

Фомин верил в невиновность Семена, когда его подозревали в похищении Варшавина и Майи. Когда его обвиняли в нападении на Гуманова. Но сейчас не верил. Действительно, для подставы вариант с досками слишком сложный. Да и глупый. При всей своей громоздкости доски не тянут и на средний размер кражи. Ну, присудят Гуляеву штраф в двести тысяч, на этом дело и закончится.

— Я не знаю, я дома был. Спал. Устал я очень, спать хотелось, — буркнул Гуляев.

— Придумай что-нибудь поумней. С Митьковым, скажи, был... Или с кем ты доски воровал?

Не верил Родион Гуляеву и даже не собирался привлекать к делу экспертов — «пальчики» с поверхности лодки снимать, с поручней тележки, следы обуви с земли. Лишняя морока.

— А еще лучше признайся, — сказала Майя, с презрением глядя на Семена.

Фомин кивнул, глянув на нее. Одно дело — доски со склада украсть, и совсем другое — человека подставить. Не поленился Семен сходить к Стенькину, не побоялся перелезть через забор и унести куртку. А затем вернуть ее на место. И это сразу после того, как разгрузил доски. Четыре куба за одну ночь, а потом еще и на порог к недругу сходил. Молодец парень, ничего не скажешь!..

— Да не я это!

— Не ты!.. Смотрю я на тебя и не узнаю. В кого ты превратился, Гуляев? — уколола бывшего мужа Майя.

— Давай так, сейчас берешь машину. — Фомин посмотрел на часы. — Грузишь доски, возвращаешь на терминал. Найдешь там прораба Квасцова Олега Михайловича, он скажет, куда их сгрузить.

— Да не брал я... Ну, хорошо! — глянув на Майю, сдался Гуляев. — И что я скажу этому Квасцову?

— Доски, скажешь, возвращаю. А там уж пусть он сам решает, вызывать наряд или нет. Если вызовет, дело будем заводить, если нет, считай, повезло.

— Значит, если я с ним договорюсь, мне ничего не будет? — повеселел Гуляев.

— Ничего не будет, — ответила за Родиона Майя. — Ко мне только никогда больше не подходи!..

— Давай действуй. И советую тебе с Квасцовым договориться, — сказал на прощание Фомин.

Он повернулся к Гуляеву спиной и направился к машине, Майя — за ним. Более того, она взяла его под руку — назло Семену.

— И как я только с таким ничтожеством жила? — закрывая за собой дверцу, спросила девушка.

— Кто-то у него из дружков на терминале работает, — вслух подумал Родион.

Но мысль развивать не торопился. Если Гуляев уладит дело с Квасцовым, то и сообщника его искать не нужно. Ну, если только для профилактики работу провести.

— А Славку зачем подставлять? — Майя шлепнула ладошкой по коленке.

— А если Славка ему помогал? — спросил Родион.

— Славка помогал Семену?! Да нет!..

Может, Стенькин в своем ватнике сам доски и разгружал.

— Деньги лишними не бывают.

— Ну, не знаю... В принципе Славка такой же придурок... — хмыкнула Майя.

По дороге им навстречу ехал с включенными фарами внедорожник. Родион и внимания на него не обратил бы, если бы машина не остановилась возле тридцать первого дома, где раньше проживал Павлик.

А машина не абы какая, Родион проезжал мимо знакомого «Хавейла», на котором ездил Кальмар со своей мини-бригадой.

Парня в кожаной куртке Фомин увидел в зеркало заднего вида. «Хавейл» остановился, пассажир вышел из машины. Роста выше среднего, не атлет, плечи средней ширины, но тело тренированное, и это чувствовалось даже на расстоянии. Короткая стрижка, квадратная голова, массивная челюсть, жилистая шея. И солнцезащитные очки. Холодно, а он в темных очках. Ну да, ветер, пыль в глаза.

— Может, и не подставлял его Семен? — спросила Майя.

— Может, и не подставлял... — пожал плечами Родион.

Он уже не думал ни о Славке, ни о Семене. Мысли переключились на Павлика и его новую команду. Сам Павлик перебрался в новый дом, а старый оставил своим новым молодчиком. Еще не все уголья в районе ску-

плены, еще есть работа для боевой команды, способной на нестандартные решения в сложных ситуациях.

— Ты не знаешь, отец Гуляева еще не продал свою землю? — спросил Фомин.

Об этой земле он и говорил сегодня с Павликом, но, возможно, для «Быстрого Дона» этот вопрос уже решенный. Может, поэтому он и улыбнулся так загадочно.

— Не хочет он продавать, — качнула головой Майя.

— Твой отец тоже не хотел.

— Когда мой отец не хотел, Варшавин где-то пропадал. А за Гуляева он свое слово сказал... Игнат Семенович меня своим ангелом-хранителем считает. Как будто я могу позвонить Варшавину и все вопросы решить. А я не могу... И не хочу!

— И не надо, — тихо сказал Родион.

Варшавин — больной для него вопрос. Этот мажор в полковничьих погонах если не сломал, то испортил ему жизнь. Сначала на Леру надел, заставляя ее отречься от Родиона, его самого пытался за решетку отправить, даже киллеров нанимал. Лера с честью выдержала прямое давление, тогда Варшавин пошел в обход — взял в осаду Майю. Скорее всего, он на самом деле влюбился в Майю, просто не устоял перед Лерой, когда она сама сдалась ему на милость...

Но Варшавин сейчас где-то далеко, в Москве, два месяца, считай, прошло, а от него ни слуху ни духу. Зато Павлик готов к новому наезду на Игната Семеновича Гуляева. Возможно, наезд уже начался — по опробованной схеме. Опричники Павлика подставля-

ют его сына, на Семена заводят уголовное дело, спасти положение может только срочная продажа земли. Если так, то Семен с Квасцовым не договорится. Компания «Быстрый Дон» пойдет на принцип, Семена привлекут к ответственности, а полковник Михалев раздует из мухи слона.

Но, как оказалось, Родион зря грешил на Павлика. Семен и доски отвез, и с Квасцовым договорился, полковник Михалев о краже даже не узнал. И уголовное дело не возбуждалось.

Глава 3

Больничный двор за окном, дальше — здание поликлиники. Утро уже, темнота отступила, фонари погасли. Но Лера смотрела в пустоту. Сидит за столом, подперев ладонью подбородок, смотрит в окно и думает о несбывшихся мечтах. Редкой красоты она женщина, невероятного обаяния, не зря Варшавин сходил по ней с ума. Она отказалась от принца ради Родиона, первое время об этом не жалела. На самом деле не жалела. А сейчас только вид делает, что ничего не потеряла, вернувшись к нему. Но сейчас у нее перед глазами яхта, необитаемый остров с пальмами, голубая лагуна, водопад. А может, она видит блеск Нью-Йорка, Парижа, Сингапура. Она могла сейчас путешествовать по миру, а сидит в холодном смотровом кабинете, на плечах пуховый платок, в ногах калорифер.

— Можно? — спросил Родион. Он поднес руку к открытой двери, но стучать не стал.